

*Ужасно тянет меня на газетную, привычную мне,
работу. Руки чешутся, чтобы вплотную приняться
за товарищей-большевиков!
Как жаль, что словами нельзя пробивать головы!..*

Александр Яблоновский

Внешне Александр Александрович Яблоновский был очень похож на Григория Лукьяновича Чарноту. То есть не на самого генерала, конечно, которого никогда не существовало в природе, но на советского артиста Михаила Ульянова, изображавшего этого булгаковского персонажа в фильме «Бег», снятом в 1969 году режиссёрами Александром Аловым и Владимиром Наумовым по мотивам одноимённой булгаковской пьесы.

Был Яблоновский столь же плотного телосложения, обладал таким же зычным командирским голосом, взгляд имел пронзительный, хотя и затенённый стёклышками всегдашнего его пенсне. Носил аккуратную «докторскую» бородку клинышком и огромнейшие — натурально «кавалерийские», «мамантовские» — усища, каковым мог позавидовать не то что кинематографический белогвардеец Чарнота, но и сам красный маршал Семён Будённый, по части усов также бывший не из последних вахмистров. Вот только к армии обладатель такой явно выраженной генеральской наружности ни малейшего отношения не имел. Имел же он отношение к профессии, в армейской среде откровенно презираемой и именуемой презрительными терминами «бумагомарание» и «щелкопёрство». То есть к журналистике и литературе. И в профессии своей достиг таких высот, что в случае, ежели бы в ней присваивались специальные звания, меньше чем на «генерал-фельетона» (по аналогии с армейским «генерал-фельдмаршалом») ни за какие коврижки не согласился бы. Поскольку именно что генералом от фельетонистики и был.

* * *

Шестьдесят три года земной жизни Александра Яблоновского, как и у подавляющего большинства его ровесников, были разделены судьбой на две неравные части. Первая, из сорока шести лет, прошла в стране, называвшейся Российская империя, и состояла из того же, из чего состояли в ту пору жизни большинства окружающих Яблоновского людей — друзей, знакомых, сослуживцев, коллег по профессии и так далее. Вторая, оказавшаяся почти в три раза короче первой, была наполнена всевозможными пертурбациями, принадлежавшими к разряду событий, про которые на обывательском жаргоне принято говорить, что их не пожелаешь и врагу. И протекала она в совсем иных странах, преимущественно в Германии и во Франции, но не только. Привелось ему побывать, например, в самой натуральной египетской пустыне, и своими глазами увидеть великую африканскую реку Нил. В эти края Александра Яблоновского забросила всё та же Судьба — на этот раз уже с прописной, для максимального драматизма именуемая также Роком, то есть обстоятельствами непреодолимой силы.

При этом для перечисления важнейших событий, происходивших в первой части его жизни, довольно будет полутора страниц, набранных шрифтом не самого крупного кегля, тогда как для того, чтобы рассказать лишь о наиболее существенных эпизодах из части второй, потребуется приличного размера статья.

Однако обо всём по порядку.

* * *

Александр Яблоновский принадлежал к поколению, из которого в российскую литературу пришли такие знаменитые писатели, как Иван Бунин, Алек-

сандр Куприн и Леонид Андреев. С первыми двумя он был одноклассником, с третьим, Андреевым, — практически ровесником.

Родился Яблоновский 15 (по новому стилю) ноября 1870 года на Украине, или, как в ту пору было принято называть эту часть Российской империи, в Малороссии. Местом его рождения было село Китросановка, что в Елисаветградском уезде Херсонской губернии; родителями — мелкопоместные дворяне, в жилах которых текла гремучая смесь из русской, украинской и польской крови. Вероятнее всего, именно это обстоятельство и определило важнейшие особенности характера Саши Яблоновского, отличавшие его поведение с юности, — неимоверное упрямство и настойчивость в достижении поставленных перед собой целей. Хотя просто Яблоновским он в ту пору ещё не был: подлинная фамилия, полученная им от рождения, была двойной — Снадзский-Яблоновский. Фамилия, что и говорить, непростая, и не только по причине явно выраженного польского её происхождения, но также и вовсе неподходящая для того, чтобы делать артистическую или литературную карьеру: и произносится тяжело, и запоминается неважно. Так что упрощение её — посредством отсечения первой, труднопроизносимой части — было неизбежно.

Детство Саши Яблоновского прошло в родных краях на Херсонщине, отрочество — в городе Одесса, где он окончил классическую гимназию, юность — в столице, Санкт-Петербурге, там он приобрёл высшее образование, окончив юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Получив диплом, поступил на службу по профессии — стал присяжным поверенным. Казалось, дальнейший жизненный путь прорисован на десятилетия вперёд: служба, служба и ещё раз служба, получение чинов, званий и наград, а в итоге — достойная обеспеченная старость и финал — некролог в четверть полосы в газете «Новое время» и пышные похороны на престижном столичном кладбище с массой венков «от родных, друзей и сослуживцев».

Однако ничего эдакого не произошло. Поскольку Судьба — та, что с прописной, — имела в отношении Александра Яблоновского совсем иные планы. Которые состояли в том, чтобы дать ему возможность реализоваться не столько в полученной профессии, сколько в заложенном от рождения призвании. Призванием же 23-летнего выпускника Санкт-Петербургского университета была литература. В неё он и попробовал войти, как только получил возможность зарабатывать на жизнь собственным трудом.

* * *

Дебют Александра Яблоновского в качестве писателя-беллетриста состоялся в январе 1894 года, когда в петербургском литературном журнале «Русское богатство» был помещён его юмористический рассказ «Последыши». Особого читательского успеха публикация не имела, но в профессиональных кругах новичка заметили и приняли вполне благосклонно. В течение следующих двух с полови-

ной лет в том же издании были опубликованы ещё три рассказа начинающего писателя: «Случай», «Нүхим» и «Дебют».

Ещё через пять лет к Яблоновскому пришёл первый серьёзный успех. Это произошло после того как в 1901-м в трёх номерах журнала «Мир Божий» было опубликовано его первое существенное по объёму сочинение — повесть «Из гимназической жизни». Она привлекла внимание читателей правдивым, можно сказать, натуралистическим описанием неприглядных сторон системы гимназического образования в эпоху покойного императора Александра III Миротворца. Образование это, как показывал Яблоновский, преследовало одну цель — уничтожить в ребёнке личность, вытравить из него всякую индивидуальность, стремилось приводить всех учеников к пресловутому «общему знаменателю», вдавливая в их головы прописные истины, а не знания, наравне с требованием полной покорности начальству. Повесть имела явно выраженный автобиографический характер, чего автор её никогда и не скрывал.

Затем последовало сотрудничество Яблоновского с газетой «Сын Отечества» (в которой он ещё с 1898 года состоял членом редакции) и журналами «Образование» и «Современный мир», где регулярно публиковались его рассказы и сатирические фельетоны, объединённые рубрикой «Родные картинки». Впоследствии он собрал эти журнальные публикации и издал их в виде трёхтомника, чей совокупный объём превысил 1 000 страниц. Эти книги Яблоновского — как, впрочем, и все ранее издававшиеся — пользовались большим читательским успехом.

* * *

Дар фельетониста — очень редкий, далеко не всякому литератору присущий. Сочинение фельетона требует следованию строгим правилам, сопутствующим этому жанру. Важнейшим из них является установка на то, чтобы писать как можно короче, проще и доходчивее, при этом как можно реже повторять ранее уже использованные приёмы, стараться не злоупотреблять цитатами и поговорками и — это самое главное — писать так, чтобы при чтении текста становилось смешно не только тому, кто его написал. Если же такой эффект отсутствует, значит нечего было и бумагу переводить и время тратить.

У Александра Яблоновского всё это было. Он умел и писать коротко и доходчиво, и избегал литературных штампов и затасканных метафор, и не злоупотреблял шутками-прибаутками. При этом главным качеством Яблоновского-фельетониста было то, что, не обладая отличным зрением от рождения, он умел замечать в чужом глазу не то что пресловутое бревно или хотя бы сучок, но мельчайшую соломинку — ту, которая, как гласит ещё одна общеизвестная поговорка, способна переломить хребет нагруженному тяжёлой поклажей верблюду. Как следствие — горе было тому, на кого был обращён пристальный взгляд фельетониста Яблоновского: укусить он, как и всякий типичный Скорпион, мог очень больно, и память об этом у объекта его нападения оставалась весьма долгая.

Профессия фельетониста в Российской империи начала XX века была, однако, занятием неблагодарным. Издаться в печати можно было далеко не над всем, над чем хотелось. Причиной тому была предварительная цензура, считавшая литераторов-сатириков главными врагами государства — «бунтовщиками пострашнее Пугачёва», как гласила формулировка, авторство которой по традиции приписывалось императрице Екатерина II Великой. Ситуация изменилась только в 1905 году — после того, как император Николай II, оказавшийся перед реальной угрозой начала в России революции, был вынужден начать реформирование системы государственного управления и допустить в стране свободу печати. После обнародования Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» предварительная цензура в Российской империи была упразднена. Теперь писатели и издатели могли понести судебную ответственность за то, что они пишут и издают, только по факту того, что это нечто было опубликовано и признано противоречащим уголовному законодательству судом.

Отмена предварительной цензуры привела к ряду скандальных эксцессов, получивших всероссийский резонанс. Некоторые наиболее нахрапистые издатели решили выяснить, до каких пределов может дойти дозволенная с самого верха свобода слова, и попытались прощупать «царскую реакцию» пером. Самым дерзким оказался столичный редактор-провокатор Николай Шебуев. Немедля после обнародования Манифеста 17 октября он учредил сатирический журнал под провокационным названием «Пулемёт» и стал публиковать в этом издании такие опусы, за одно только сочинение которых во времена Екатерины II моментально оказался бы соседом масона Николая Новикова по тюремным бастионам Шлиссельбургской крепости. И хотя порядки за прошедшее с той эпохи столетие существенно изменились и нравы заметно помягчали, Николаю II всё же пришлось применить силу. В начале 1906 года шебуевский «Пулемёт» был запрещён, сам издатель — арестован и посажен в крепость. Правда, не в Шлиссельбургскую, а в Петропавловскую, и просидел он там не очень долго — всего лишь один год, да и, в отличие от того же Новикова, вовсе не тронулся умом, но прецедент был создан и «антигосударственные» сатирики поприехали.

Александра Яблоновского, однако, все эти бурные события никак не коснулись. Он в своих фельетонах политику никогда напрямую не затрагивал, занимаясь бичеванием лишь «социальных язв» общества. Жертвами его сатирического жала были всевозможные бюрократы, казнокрады, головотяпы, прохиндеи, ретрограды, мракобесы и тому подобная публика, в избытке расплодившаяся на необозримых просторах Российской империи и радовавшаяся от осознания того, что Михаил Салтыков-Щедрин давно помер, а никого столь же злобного и ядовитого ему на смену так и не нашлось. Радости этой, однако, вскорости пришёл конец. Воспользовавшись, как и все прочие российские издатели, отменой предварительной цензуры, владельцы газет и журналов, в которых печатался

Яблоновский, «отпустили вожжи» и перестали ставить своим журналистам и фельетонистам ограничения в выборе тем для сочинительства. И Яблоновский развернулся в полную силу.

* * *

К тридцати шести годам Александр Яблоновский имел в литературном мире устоявшуюся репутацию талантливого беллетриста реалистического направления и одного из ведущих сатириков-фельетонистов. Так, во всяком случае, утверждало наиболее авторитетное в ту пору в Российской империи справочное издание — «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». В этом мог убедиться любой желающий — достаточно было взять в руки выпущенный в 1907 году дополнительный том IА этого словаря и раскрыть его на странице 919-й, где была помещена краткая биографическая справка на Яблоновского.

Из той же биосправки можно было узнать и о первом громком скандале с его участием, случившемся годом ранее. Неизвестный биограф, подписавшийся криптонимом Б. К., сообщал:

«В 1906 г. [Яблоновский] был приглашён редактировать московскую газету «Русское слово», но вынужден был оставить её через месяц по требованию администрации».

История с «Русским словом» действительно вышла громкая и скандальная. Началась она с того, что владелец этой самой крупной в Москве и наиболее влиятельной во всей России газеты, знаменитый издатель-миллионщик Иван Сытин пригласил Александра Яблоновского на пост ответственного редактора — рассчитывая, по-видимому, убить одним выстрелом двух зайцев, заполучив за одни и те же деньги сразу и редактора, и яркого фельетониста. Яблоновский предложение принял, приехал на жительство в Москву и приступил к исполнению служебных обязанностей. Однако, не имея никакого опыта редакторской работы, он явно неверно оценил свои силы и возможности. Принявшись наводить в редакции порядки по своему разумению, Яблоновский быстро переругался со своими подчинёнными, которые стали открыто саботировать делававшиеся своим шефом распоряжения. Как следствие, не прошло и месяца, как ведущие сотрудники редакции выдвинули издателю Сытину ультиматум. Суть его сводилась к фразе: «Или Яблоновский — или мы». Оказавшись перед реальной перспективой тяжёлого кризиса в газете, Сытин и его зять и компаньон Фёдор Благов, занимавший пост формального главного редактора, были вынуждены просить Яблоновского отказаться от должности и покинуть «Русское слово». Понимая, что работать, находясь во враждебном окружении, невозможно, Яблоновский согласился. Контракт его был аннулирован, редакцию «Русского слова» возглавил литератор Влас Дорошевич. Тем не менее Яблоновский и Сытин сохранили дипломатические и деловые отношения — именно Сытин был в 1900–1910-е годы основным издателем книг Яблоновского, а в 1916 году по его же новому предложению Ябло-

новский стал штатным сотрудником «Русского слова» в привычной для себя ипостаси фельетониста.

Эта неприглядная история стала для Яблоновского хорошим жизненным уроком. Он понял, что быть талантливым журналистом вовсе не значит быть также и успешным редактором-администратором, и более никогда в этой профессии себя не пробовал, до конца жизни оставаясь только автором и не пытаясь создать собственную газету или получить должность редактора в уже существующей.

* * *

Социально-политическая катастрофа, разразившаяся в России в 1917 году, перевернула вверх дном не только привычную её обитателям жизнь, но и поставила каждого из них перед выбором — как быть и что делать. Разумеется, у представителей разных сословий формулировки этого выбора были различными, и то, что необходимо было решать крестьянину Тамбовской губернии, имело столь же мало общего с тем, что должен был решать рабочий Путиловского завода или приказчик из универсального магазина «Мюр и Мерилиз», однако здесь важен самый принцип. В соответствии с которым представители так называемых «свободных профессий» (художники, артисты, музыканты и литераторы) должны были ответить на самим себе заданный вопрос: «С кем вы, мастера культуры?»

Для Александра Яблоновского ответ на этот вопрос был предельно ясен: «Хоть с чортом, лишь бы против большевиков!» Узурпацию власти в России компанией криминальных элементов, называющих себя странным словом «большевики», он воспринял как уголовное преступление, направленное не только против всего народа, но и персонально против него самого и его семьи. Будучи человеком с убеждениями государственника, сторонника твёрдой легитимной власти, и приверженцем традиционных ценностей, на первом месте в перечне которых стоят работа, семья и дом, — литератор Яблоновский воспринимал выдвинутые большевиками популистские лозунги с призывом «грабить награбленное» и «экспроприировать экспроприаторов» как покушение прежде всего на его собственный бумажник и банковский счёт. То есть как откровенный, ничем не прикрытый бандитизм. Соответственно, выбора перед ним — на чьей стороне быть в условиях начинающейся гражданской войны — не стояло.

Летом 1918 года, после того как большевики уничтожили на подконтрольной им территории последние ошмётки «буржуазной» прессы, Яблоновский бежал из Москвы, где он тогда жил, в Киев, находившийся под немецкой оккупацией. Там он сотрудничал как публицист с несколькими газетами, наиболее крупной из них была хорошо ему известная по предвоенным годам «Киевская мысль».

После эвакуации оккупационных войск и падения прогерманского режима гетмана Павла Скоропадского в декабре 1918 года Киев захватили петлюровцы, провозгласившие создание Директории Украинской Народной Республики.

Новая власть попыталась начать принудительную украинизацию Киева, насаждая в качестве государственного языка «ридну мову» (презрительно называемую русскими киевлянами «галичанским наречием малороссийского диалекта»). Русскоязычная киевская пресса принялась иронизировать над петлюровцами, публикуя сатирические фельетоны на тему «Хай живе вильна Украина вид Кыива до Берлина!» На неё тут же обрушился пресс цензурных и административных репрессий: газеты закрывались, помещения редакций «реквизировались», сотрудникам грозили тюрьмой. Понимая, что в сложившихся условиях путь от закрытия газеты до «закрытия» (ареста) её сотрудников составляет всего один шаг, русскоязычные журналисты, публицисты и редакторы бросились из Киева врассыпную — как тараканы, спасающиеся от струи дихлофоса.

* * *

В январе 1919 года Александр Яблоновский оказался в Одессе.

О том, что происходило в этом городе в те дни, мне уже приводилось рассказывать — в не так давно опубликованном эссе, посвящённом истории непростых взаимоотношений писателей Ивана Бунина и Алексея Толстого. Так что повторяться не стану. Могу лишь дополнить ранее написанное тем, как относилась к проблеме соблюдения свободы печати тогдашняя городская администрация — в лице её главы, военно-политического авантюриста, белогвардейского генерал-майора Алексея Гришина-Алмазова, именовавшего себя «военным диктатором Одессы». Этот офицер, судя по воспоминаниям тех, с кем сводила его судьба в те сумбурные дни, обладал неплохим художественным вкусом, был знаком с современной литературой и с симпатией относился к писателям и особенно к писательницам. Что же касается журналистов и публицистов и вопроса свободы печати вообще, то её Гришин-Алмазов никак не ущемлял, требуя от издателей и редакторов многочисленных одесских газет и журналов только одного — не распространять неизвестно откуда возникающие панические слухи, не заниматься большевистской агитацией и вообще не печатать «всякий вздор». Всё прочее публиковать не только дозволялось, но и приветствовалось. Как следствие, всё новые и новые «печатные органы» множились в Одессе со скоростью мухоморов, вылезаящих из прелой земли после тёплого летнего дождика.

В марте 1919 года Александр Яблоновский принял деятельное участие в создании одного из них — газеты, получившей название «Наше слово». Издателем её стал Фёдор Благов — тот самый медийный магнат, зять и компаньон Ивана Сытина, хорошо ему известный ещё со времён приснопамятного скандала 1906 года. Благов, после устроенных большевиками «реквизиций» потерявший все свои активы и сбережения и чудом бежавший из красной Москвы, привлёк к сотрудничеству в новом издании все лучшие литературные силы, находившихся в ту пору в Одессе. В их числе были литераторы Иван Бунин и Алексей Толстой и писательница Надежда Тэффи.

Однако газета «Наше слово» была рождена под очень несчастливой звездой. Начав выходить 2 апреля 1919 года, она просуществовала всего трое суток и скончалась 5-го числа на третьем номере. Причиной тому стала паническая эвакуация из Одессы частей франко-греческого экспедиционного корпуса, чьё командование испугалось наступавших на Одессу малочисленных и плохо вооружённых бандформирований, возглавляемых атаманом Никифором Григорьевым, одним из многих «местечковых Наполеонов», так сильно расплодившихся во время гражданской войны в южных областях России.

Охваченные всеобщей паникой, вместе с греками и французами из Одессы побежали и многие одесситы и беженцы из других мест, в первую очередь те из них, у кого были опасения пострадать после взятия города григорьевскими архаровцами. Были в их числе и Алексей Толстой со своим семейством, и Надежда Тэффи, и Александр Яблоновский с женой. Тэффи оказалась в Новороссийске, Толстой и Яблоновский — в Стамбуле. Там их пути разошлись. Толстой, утверждавший, что он сыт по горло всеми пертурбациями последних месяцев, принялся хлопотать о въездной визе во Францию, намереваясь воевать с проклятыми большевиками своим пером, находясь от них на максимально возможном расстоянии. Яблоновский же, продолжавший верить в Белое движение, считал, что подобное поведение есть не что иное как явное дезертирство, и при первой же возможности отправился из Турции обратно в Россию — из Стамбула в Новороссийск. Он был убеждён, что его место — там, на переднем крае борьбы с большевиками, и намеревался приложить все силы к тому, чтобы выполнить свой патриотический долг.

* * *

Хорошо известно: чем сильнее несбыточные надежды — тем горше разочарование от того, когда становится ясно, что они не сбываются.

Весной 1919 года Яблоновскому, приехавшему из Новороссийска в Ростов-на-Дону, где находилась ставка Главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России генерал-лейтенанта Антона Деникина, казалось, что победа Белой армии неизбежна. Летом, когда армия Деникина начала «поход на Москву», его уверенность в этом только укрепилась. После триумфального рейда казачьей конницы генерал-лейтенанта Константина Мамантова по красным тылам в августе-сентябре Яблоновский был совершенно уверен в том, что к Покрову белые освободят Москву.

Уверенность в неминуемой победе Белого движения Яблоновский превращал в статьи, публиковавшиеся в газете «Парус» — одной из дюжины ежедневно выходивших в Ростове газет, в которой он служил фельетонистом. Газета «Парус» представляла себя, во-первых, «беспартийной», во-вторых — «демократической». Редактором-издателем её был предприниматель по фамилии Березовский, которого коллеги из конкурирующих изданий завистливо именовали «пред-

ставителем солидного капитала» (читай: «кровопийцей» и «эксплуататором»). «Кровавый эксплуататор» Березовский платил фельетонисту Яблоновскому приличную зарплату, которую тот отработывал сполна, в короткий срок приобретя у завистников репутацию «золотого пера» белогвардейской пропаганды. Не оспаривая данного ярлыка, следует, однако же, отметить, что таковым Яблоновский был далеко не в единственном числе. В конкурирующей с «Парусом» газете «Жизнь» над большевиками талантливо издевался 22-летний местный уроженец Владимир Рындзюн, подписывающийся псевдонимами Д. Денисов и А. Ветлугин; в других газетах на красных безостановочно брызгали ядовитыми чернилами литераторы Александр Дроздов и Евгений Венский. Не говоря уже о «публицистах» таких изданий, как черносотенный листок бывшего депутата Государственной думы Владимира Пуришкевича «Благовест» и антисемитской газетёнки под названием «В Москву!», которую уличные мальчишки-газетчики рекламировали слоганом «Бей жидов, спасай Ростов!» Словом, от недостатка чтения жители деникинской «походной столицы» не страдали.

Катастрофа разразилась в тот момент, когда победа казалась максимально близкой. В октябре наступательный порыв Белой армии полностью иссяк, в ноябре большевики перешли в контрнаступление; одновременно в тылу у белых вспыхнула страшная эпидемия сыпного тифа, выкосившая их ряды почище красной шрапнели. Фронт рухнул, и разгромленные дивизии Вооружённых сил Юга России стремительно покатались на юг — от Орла к Харькову, от Харькова к Ростову и Новочеркаску, от Ростова к Екатеринодару и дальше, дальше — к черноморскому побережью, дальше которого бежать было уже некуда.

* * *

Финальным актом катастрофы Белого движения на Юге России стала трагедия, вошедшая в историю Гражданской войны в России под названием «Новороссийская эвакуация».

Описания того, что творилось в этом портовом городе в последних числах марта 1920 года, оставленные выжившими участниками «эвакуации», не передают и сотой части того, чем стал этот кошмар для десятков тысяч белогвардейских солдат и офицеров и гражданских служащих, пытавшихся покинуть Новороссийск и брошенных своим командованием на произвол судьбы. Само командование в лице генералов Деникина и Романовского успешно сбежало — сначала в Крым, а затем в Турцию, незначительной части войск также удалось переправиться в удерживаемый белыми Крым, все остальные стали добычей захвативших Новороссийск 28 марта 1920 года большевиков.

Александр Яблоновскому всего этого пережить не привелось — он сам и его жена были вывезены из Новороссийска одними из первых, за три недели до завершения эвакуационной трагедии, когда город ещё не был похож на огромный сумасшедший дом. Шестого марта 1920 года пароход «Саратов», на борту которо-

го разместились три тысячи гражданских беженцев, с русской командой, но под началом английской администрации, покинул новороссийский рейд и направился в сторону Босфора.

Супруги Яблоновские намеревались сойти на берег в Стамбуле и далее добираться до Белграда, где уже некоторое время находилась их дочь, Татьяна, со своим мужем, их зятем. Однако по причинам, которые они никак не смогли предусмотреть, осуществить это намерение оказалось невозможно, и они были вынуждены остаться на борту «Саратова» вплоть до завершения его перехода. Пароход же, миновав Эгейское море, доставил россиян сначала к берегам острова Кипр, где их отказался принимать местный английский губернатор, а затем в египетский порт Александрию, где 23-дневное плавание наконец завершилось. Затем был двухнедельный тифозный карантин, после которого англичане привезли беженцев в бескрайнюю пустыню, где был развёрнут палаточный лагерь, огороженный колючей проволокой с часовыми, и предоставили им возможность выживать, кто как хочет и умеет. Кормить, конечно, кормили, но относились почти как к военнопленным, в лучшем случае — интернированным. При этом покидать лагерь без разрешения коменданта никому не позволялось, а за разрешение уехать из Египта в какую-либо из стран Европы с беженцев требовали огромных денег — якобы за оплату расходов правительства Великобритании на их содержание.

Пережив все «прелести» этого отношения, выпавшие на его долю, и сумев через несколько месяцев вырваться из египетского концлагеря, Александр Яблоновский, написал автобиографическую повесть «Гости английского короля», в которой высказал по адресу англичан всё, что он о них думает. Вследствие стечения разнообразных обстоятельств эта рукопись не была издана при его жизни и дождалась публикации более восьмидесяти лет. Такое, увы, случается, и не так уж редко. Но в данном случае поздно — это всё же гораздо лучше, чем никогда.

* * *

Ещё находясь в эвакуационном лагере посреди египетской пустыни, Александр Яблоновский начал сотрудничать с эмигрантской газетой «Общее дело», издававшейся в Париже публицистом Владимиром Бурцевым. Легендарный «охотник на провокаторов», автор получившего широчайшую известность в формирующемся в ту пору Русском Зарубежье лозунга-декларации — «Осиновый вам кол, большевики!» — Бурцев прекрасно понимал, какого ценного сотрудника ему удалось привлечь, и приложил максимум усилий к тому, чтобы вывести Яблоновского из «египетского рабства» и доставить его в Париж. В конце 1920 года его усилия увенчались успехом — французские власти выдали супругам Яблоновским въездные визы, Бурцев прислал им денег на то, чтобы рассчитаться за гостеприимство с подданными английского короля, и в декабре месяце те приехали из Каира в Париж.

Оказавшись в крупном центре эмиграции, Яблоновский рассчитывал на то, что ему сразу же будет предоставлена возможность работать в парижской русскоязычной прессе, и что работа эта будет приносить доход, достаточный для того, чтобы не ломать голову над тем, в каких башмаках выйти из дому и где раздобыть пропитание на следующую неделю. Однако финансовое положение эмигрантской печати в ту пору было неприглядным, более того — оно ухудшалось буквально с каждым месяцем. Причин к тому было множество; важнейшая из них — недавнее падение белого Крыма, ставшее фактическим окончанием гражданской войны между красными и белыми в европейской части России. Финальной её точкой стала массовая (до 150 000 военных и гражданских беженцев) эвакуация из крымских портов в Турцию врангелевской армии и гражданского населения Крыма. Беженцы оказались в тяжелейших бытовых условиях размещения и в полной зависимости от продовольственного снабжения англо-французского союзного командования, которое воспринимало «этих белых русских» как досадную головную боль и не упускало ни малейшей возможности продемонстрировать своё к ним отношение. Денег у антибольшевистских сил не стало не то что на издание газет и журналов, но и на обеспечение самых насущных жизненных надобностей. Как следствие, финансирование уже существующих изданий было резко сокращено, а об учреждении новых нечего было и мечтать.

Между тем в Берлине, в отличие от Парижа и прочих центров сосредоточения российских эмигрантов, ситуация складывалась совершенно по-иному. В этом городе, буквально переполненном беженцами из России, издавалось несколько эмигрантских газет и журналов и одно за другим возникали русскоязычные издательства. С начала 1921 года Берлин стал стремительно превращаться в столицу формирующегося Русского Зарубежья, в которую стягивались все основные интеллектуальные силы эмиграции. Оценив сложившуюся ситуацию, Александр Яблоновский принял решение не сидеть в Париже, а ехать в Берлин. И уехал.

* * *

В Берлине Александр Яблоновский прожил более четырёх лет. Все эти годы были наполнены для него неустанным трудом на идеологическом фронте, то есть печатной борьбой с большевиками, и противостоянием различным жизненным напастям, то и дело обрушивавшимся на его голову. Важнейшим из них стала смерть обожаемой им жены, которая тяжело заболела ещё во время их пребывания в египетском лагере, и умерла два года спустя уже в Берлине. Овдовев, Яблоновский полностью погрузился в литературную работу. Отныне это было единственным, что держало его в земной жизни, и в чём он никогда не позволял себе работать вполсилы, то есть спустя рукава.

Основным местом для публикация Яблоновского в эти годы были издающаяся в Берлине правокадетская газета «Руль» и выходящая в Риге русская латвийская газета «Сегодня». В левацких эмигрантских изданиях, особенно сильно

расплодившихся в первой половине 1920-х годов в Париже, его не публиковали, воспринимая как непримиримого врага — каковым он, собственно, для них всегда и являлся.

Ситуация начала меняться в 1925 году, когда бывший крупнейший российский нефтяной магнат Абрам Гукасов (урождённый Гукасянц) решил учредить собственную газету, которая стала бы печатным изданием явно выраженной антибольшевистской ориентации. Газета, получившая название «Возрождение», начала выходить в Париже с июня 1925 года. На должность ответственного редактора Гукасов пригласил знаменитого праволиберального публициста Петра Струве, в 1920 году занимавшего в правительстве Врангеля пост, аналогичный посту министра иностранных дел. Струве, в свою очередь, стал приглашать к сотрудничеству ведущих эмигрантских журналистов и литераторов, занимающих непримиримую позицию по отношению к Советской России: Александра Амфитеатрова, Ивана Бунина, Александра Куприна и других. Одним из первых, к кому он обратился с предложением о сотрудничестве, стал и Александр Яблоновский. Тот предложение Струве принял, но поставил условие: жить там же, где и работать, то есть не присылать материалы в Париж из Берлина, а приносить их в редакцию «на своих двоих». Условие было принято, и издатель Гукасов профинансировал переезд Яблоновского из Берлина в Париж. Переехав, Яблоновский поселился в ближнем парижском пригороде Исси-ле-Мулино. В этом городке ему предстояло провести последние девять лет своей земной жизни.

* * *

В газете «Возрождение» Александр Яблоновский имел неофициальный титул «золотого пера». Как утверждали редакционные остряки, ему было совершенно всё равно — про что (или про кого) писать. Ему главное — чтобы на каждой странице можно было вернуть выражение «проклятые большевики». Но только чтобы не меньше пяти раз!

Эта шутка в полной мере соответствовала реальному положению вещей. Яблоновский действительно мог писать о чём угодно — при том неременном условии, что то, по поводу чего он пишет, является примером преступной деятельности большевистского режима против русского народа и — шире — всей человеческой цивилизации. В своих политических фельетонах он постоянно разоблачал ложь и преступления поработителей России — от не имевшего прецедента в российской истории красного террора до искусственно устраиваемого большевиками голода и от насаждения нового крепостного права под видом «тотальной коллективизации» сельского хозяйства до разворовывания национального культурного достояния из музеев и продажей за бесценок картин, скульптур и прочих драгоценностей «проклятым империалистам», которых они же постоянно грозились повешать. И так далее и так далее — от отсутствия новых тем для своих политических фельетонов Яблоновский никогда не страдал. Но силь-

нее всего доставалось от него не политикам, но тем, кого он за долгие годы пребывания в профессии изучил максимально полно, — собратьям по литературе.

* * *

Обрушиваясь на коллег по перу, Яблоновский никому поблажек не делал и спуска не давал. Однако ни один его критический выпад не бывал, что называется, «критикой ради критики» — собратьям во литературе доставалось от него всегда за дело. При этом критиковал Яблоновский всех подряд, невзирая на писательский статус и уж тем более на половую принадлежность объекта своего пристального внимания. В разные годы печатные оплеухи получали от него и ядовитая критикесса Зинаида Гиппиус (прикрывающаяся для этих надобностей мужским псевдонимом — Антон Крайний), и не в меру экзальтированная поэтесса Марина Цветаева («Все поэты имеют право делать долги и говорить глупости»), и писательница-графоманка Екатерина Бакунина, автор получившего скандальную известность в Русском Зарубежье романа «Тело». За протаскивание в литературу пошлости, пристрастие к зауми, искажение синтаксиса и прочие «словесные выкрутасы» Яблоновский не щадил никого.

Поэты и беллетристы, обиженные Яблоновским, оборонялись, как могли, и — сочиняли про него анекдоты и байки. Например:

Встречаются два парижских эмигранта, не чуждые культуре, один другого и спрашивает: «А знаете ли вы, Пётр Степанович, такого писателя — N. N.?» — «Как вы говорите? — переспрашивает второй. — N. N.?.. Нет, как-то не припоминаю... А он чей — наш? Или, может, советский?» — «Наш, наш, — успокаивает первый. — Из молодых. Типа Сирина или этого... как его... Поплавского». — «Хм... — Его собеседник тушуетя всё сильнее. — Как же это я... А позвольте... Яблоновский про него что-нибудь писал?» — «Яблоновский?.. — тут уж настёт очередь задуматься первому. — Да вроде нет...» — неуверенно отвечает он. И сразу же получает: «Да что же это вы мне, Степан Петрович, голову морочите! N. N., видите ли!.. Писатель!.. Да если Яблоновский про этого вашего писателя ни слова не написал — значит, и нет такого писателя!»

Особенно ярко агрессивная манера политического фельетониста Яблоновского проявлялась тогда, когда он напал на литераторов, пребывающих по ту сторону идейных баррикад — в Советской России. При этом представителей именно советской литературы он старался лишний раз не трогать, по-видимому, считая, что все эти Бабели и Пильняки просто недостойны того, чтобы он обращал на них внимание. А вот российским литераторам, продавшимся большевикам, от него доставалось по многу раз и по первое число. Среди этих под раздачу попали практически все — от Демьяна Бедного и Андрея Белого (от опусов которого Яблоновского буквально трясло и которого он именовал им же самим придуманной кличкой Трухопёрлый Бабатя) до Владимира Маяковского и Иеронима Ясинского. Разумеется, доставалось и покойникам — в первую очередь автору

«похабной» поэмы «Двенадцать»; к Александру Блоку Яблоновский относился с такой же лютой ненавистью, как и Иван Бунин. Но всё же самым «любимым» его клиентом среди этой публики был, несомненно «великий пролетарский писатель» Максим Горький.

На Горького Яблоновский охотился — в самом прямом смысле этого слова, как рыбак на прячущегося где-то под подводными корягами хитрого налима. Он отслеживал все перемещения Горького по Европе, когда тот жил в Германии и в Италии, и, едва только получал какую-то информацию о его поведении, о том, что и где тот сказал или написал, которая могла быть использована для его дискредитации, — немедленно принимался за сочинение очередного фельетона.

Так, ещё проживая в Берлине и сотрудничая с газетой «Руль», Яблоновский несколько раз — в марте и декабре 1923-го и в феврале и марте 1924 года — публиковал в этом издании крайне резкие антигорьковские памфлеты. Горький, всё это, безусловно, читавший, на выпады Яблоновского публично не реагировал — или не хотел, считая, что тому «много чести будет», или же просто не был готов ввязываться в агрессивную полемику с хорошо его знавшим противником. Однако уже после смерти Горького в его архиве был обнаружен листок бумаги, на котором — несомненно, под впечатлением от прочтения какого-то из тех памфлетов — автор романа «Мать» записал:

«А. А. Яблоновский — осатанел. Я думаю — это оттого, что он любит удить рыбу, а в Германии и вообще в Европе это очень затруднено. Да и рыбы мало. Революция лишила Яблоновского удовольствия, привычного и любезного ему. А м<ожет> б<ыть>, в этом удовольствии был скрыт весь — целиком — смысл жизни А<лександра> А<лександрови>ча. Очень жаль его, он был человек небесталанный».

Неясно, что это такое — начало ли черновика ответного памфлета, направленного на дискредитацию Яблоновского, или же просто несколько фраз, записанных «для самого себя» — в расчёте на использование когда-то в будущем.

Однако, не написав в 1923-м или 1924-м своего фельетона, Горький про Яблоновского не забыл. Лет десять спустя, узнав о смерти своего заклятого врага, он вновь вернулся к его личности, и на ещё одном листке появилась следующая запись:

«Недавно умер в Париже А. Яблоновский, один из сотрудников подлейшей газетки “Возрождение”. Он печатал в этой газетке маленькие фельетоны, грубо, старчески глупо и злобно издеваясь над Союзом Советов. Он вообще всегда был человеком недаровитым, но так как “на безрыбьи и рак — рыба”, эмигранты называли его “королём шуток”. Шутки его относились к разряду писания на заборах неудобосказуемых слов и мазания ворот дёгтем».

Далее следовало утверждение Горького о том, что Яблоновский прожил жизнь «долгую и бесполезную». Самому «живому классику пролетарской литературы» в тот момент оставалось пребывать в этом мире около двух лет, и о том, как будут определять его собственную жизнь те, кто хорошо его знал до того, как он из не особо одарённого беллетриста превратился в ничтожного большевистского пропагандиста, он мог только догадываться. Но вряд ли у него имелись сомнения в том, какими словами проводят его на тот свет Бунин, Куприн, Амфитеатров и особенно Ходасевич.

* * *

Личная идейная война, которую Яблоновский из года в год, без отпусков и выходных вёл с лишившими его родины большевиками, продолжалась до последних дней его жизни. Жизнь Александра Александровича завершилась 3 июля 1934 года. Похоронен он там же, где жил — в ближнем парижском пригороде Исси-ле-Мулино, на местном кладбище.

Все наиболее известные издания Русского Зарубежья поместили на своих полосах более или менее объёмные некрологи и воспоминания о покойном его коллег и знакомых. Друзья Яблоновского намеревались собрать лучшие его политические фельетоны и издать их в виде книги — в качестве дани уважения, а также ради их простого сохранения. Ибо газета, как известно, живёт один день, а книга хранит текст многие годы. Однако осуществиться этой во всех отношениях правильной идее было не суждено. Сначала у газеты «Возрождение» — и, как следствие, у её издательства — резко ухудшилось финансовое положение, затем началась Вторая мировая война, а после этого всемирного катаклизма то, что было актуальным в предвоенные годы, стало выглядеть как «преданья старины глубокой» и, казалось, навсегда кануло в Лету.

* * *

Творческое наследие Яблоновского в плане беллетристики не особенно велико и существенно уступает тому, что он написал и опубликовал как публицист. По этой причине во всех энциклопедических справочниках при перечислении жанров, в которых он работал, сначала указывается «журналист», а уже затем «беллетрист» или «прозаик». Это, разумеется, справедливо. Не будет преувеличением утверждать, что после 1917 года публицистика если и не полностью вытеснила беллетристику из его творческой жизни, то весьма и весьма существенно её потеснила.

За годы жизни в Русском Зарубежье Яблоновский написал и опубликовал всего несколько небольших рассказов и одну повесть — «Дети улицы». Написанная в 1925–1926 годах, повесть эта не имеет никакого отношения к окружавшей писателя Яблоновского реальности; в ней описывается жизнь предвоенного

Киева на рубеже 1900–1910-х годов — городское дно, наполненное «лишними людьми»: жуликами, алкоголиками, проститутками, беспризорными подростками и прочим «криминальным элементом». Впервые опубликованная в 1928 году в составе одноимённого сборника, она никогда с тех пор не переиздавалась. Да и вообще сама эта книга, выпущенная книгоиздательством газеты «Возрождение», стала последней книгой Александра Яблоновского — не только последней прижизненной, но последней вообще. И является таковой в данный момент, когда пишутся эти строки.

Не мне судить, по какой причине посмертная судьба оказалась такой жестокой к этому литератору. Однако то, что она — Судьба — та, которая с прописной, — оказалась к нему совершенно несправедлива по крайней мере в данной части, — факт, не вызывающий ни малейших сомнений. У меня есть всего одно объяснение тому, по какой причине это произошло. Мне кажется, виной тому — имя этого неимоверно одарённого литератора. То есть не имя, конечно, но — фамилия. Фамилия, начинающаяся на последнюю букву русского алфавита. Букву, до которой очередь всегда доходит в последний момент — тогда, когда все остальные буквы уже исчерпаны. Издателями, в смысле. Так что, если принять эту горькую шутку за допустимую гипотезу, ничего больше не остаётся, как только порадоваться лишний раз за Аркадия Аверченко, Александра Амфитеатрова, Михаила Арцыбашева, Марка Алданова — хотя бы за то, что всем названным беллетристам повезло с посмертной творческой судьбой неизмеримо больше, нежели Александру Яблоновскому. Ну и высказать сожаление по поводу того, что до переиздания сочинений Яблоновского — хотя бы только чистой беллетристики — ни у кого из российских издателей до сих пор так и не дошли руки.

Это несправедливо.

Это совершенно несправедливо.

И с этим следует покончить. В самое ближайшее время.